

Прогрессивный американский писатель и журналист Филип Боноски несколько лет назад написал книгу репортажей о своих путешествиях по Восточной Европе и Азии. Большой раздел книги посвящен Демократической Республике Вьетнам. Мы публикуем одну из глав — о встрече с первым президентом ДРВ Хо Ши Мином в 1960 году.

ВЕЛИКИЙ СЫН ВЬЕТНАМА

ФИЛИП БОНОСКИ

— Приготовьтесь, — предупредил меня Туан.
— К чему?

— Приготовьтесь подняться рано. Завтра Хо Ши Мин примет вас в президентском дворце. Вы должны быть там в половине шестого утра.

Рассвет застал меня на ногах. Туан появился выпавшийся, бодрый, но сказал, что в резиденцию президента меня будет сопровождать Ди. С ним я познакомился еще во время моего первого посещения Ханоя. Не могу забыть его мягких, полных страдания глаз и покалеченной руки.

Президентский дворец находится неподалеку от бывшей гостиницы «Метрополь», ныне «Интурист». Когда-то я жил в ней.

Во дворце нас встретили двое, один из них был фотограф. Они проводили нас в просто обставленную, скромную приемную. Ничего, кроме плетеной кушетки, кресел и десертного столика, заставленного конфетами, фруктами и пирожными, там не было. Хо Ши Мин явился минута в минуту. Когда он вошел, я встал, поздоровался с ним. Он обратился ко мне на хорошем английском языке, которому научился в Лондоне, где работал в годы эмиграции:

— Для вас непривычно подниматься так рано, не так ли?

Внешний облик Хо Ши Мина не удивил меня. Он был в сером кителе и сандалиях. Ничего не могло быть проще.

Такие седые волосы, редкую бородку, карие глаза я видел везде во Вьетнаме: в поле, на

митингах — это лица людей, отягощенных заботами. Если для одного человека возможно олицетворять целый народ — Хо Ши Мин был именно таким человеком. Его ненавидели враги свободы. Он мог быть и бывал твердым и непреклонным. Но суть его гениальности как главы государства лежит прежде всего в его умении анализировать, взвешивать, реалистически осмысливать критические ситуации. В продолжение всей нашей беседы он говорил непринужденно, ровным голосом. У него были манеры человека, обладающего собственным «Я». Мне иногда случалось прерывать его. Он позволял это. И все же временами меня охватывало волнение. Наша беседа носила характер свободного обмена мнениями и информацией. Американцы в этом году были большой редкостью в Ханое.

— Какое впечатление произвел на вас наш Вьетнам? — спросил он.

Я изложил ему свою точку зрения. Меня глубоко потрясла сила национального самосознания. Я был не только журналистом, я тоже принимал участие в борьбе за лучшее будущее человечества. За все время моего пребывания во Вьетнаме меня не покидала мысль: «Америка не допустит прогрессивного развития

страны. Если вы одержите победу в борьбе с бедностью, болезнями, невежеством и смертью, Америка проиграет. Не моя Америка, а та, другая. Я знаю их — они придут убивать вас».

Никогда еще я не был так убежден, как здесь, среди хрупких на вид людей, что колониализм доживает последние дни, конец его близок, он полностью разоблачен, но он будет сопротивляться! Американский империализм (который будто бы «не существует», но почему-то руководит порабощением народов) берет на себя основное бремя расходов для сохранения английского и французского империализма, теряющего свою власть и влияние. Я знал это. Каждое улыбающееся лицо, каждый счастливый ребенок, каждый лишний кусок хлеба угрожает в будущем власти Рокфеллеров, Морганов, Меллонов. Умудренные опытом борьбы с шахтерами и металлургами Восточной Пенсильвании, где они самым жестоким образом отбирали у рабочих право на восьмичасовой рабочий день и мизерную заработную плату, империалисты не допустят, чтобы эти скромные люди пользовались самыми элементарными свободами. Я ощущал это всем своим существом. Это чувство причиняло мне душевное и физическое страдание. Хо Ши Мин заметил мое состоя-

ние, другие тоже. Ди, глядевший на меня глазами, полными скорби, и поднимавший свою покалеченную руку, как сломанное крыло, понимающе кивал мне.

— Ваши стихи я знаю,— сказал я Хо Ши Мину. Он запротестовал смеясь:

— Пожалуйста, не делайте из меня поэта; вы же знаете, мы все пишем примерно так...

— Я знаю ваше нежное отношение к детям. Вот моя дочь,— протянул я ему фотографию.

— Прелестная,— сказал он.

Мне хотелось бы узнать мнение президента о международной обстановке в данный момент. Разразится ли здесь война?

— Каковы ваши прогнозы по поводу перспектив мира?

Он слегка улыбнулся.

— Вы считаете, война уже не за горами?

Его ответ был предельно прост:

— Клика Дьема в Южном Вьетнаме снабжена американским оружием. Для чего? Очевидно, для того, чтобы развязать войну. Так что война вполне возможна. Но мы хотим мира—вы знаете наши планы. Вот вы строите дом, а он постоянно подвергается бомбежке, и каждый раз от него остаются развалины. Разве вы не желали бы мира, чтобы закончить его? Выходит, нам нужен мир. Мы хотим строить нашу страну. Что собой представляет война, мы знаем. Но желает ли другая сторона мира?

Вопрос повис в воздухе—это было в 1960 году.

Мы перешли к воспоминаниям о его юности. Я знал, что он служил матросом и побывал в США перед первой мировой войной. В Париже он работал ассистентом фотографа в ателье для туристов.

— Только в 17 лет,— рассказывал он,— я впервые увидел электрический свет, а в 29 лет первый раз услышал радио... Я помню,— продолжал он,— как стоял на улице, в нижней части Манхэттена, и смотрел вверх, на возвышающееся здание банка. Оно отбрасывало огромную тень на жилища бедняков. Эта тень навсегда осталась в моей памяти символом Америки...

Он посетил Бруклин и был в ужасе от Гарлема. Его точка зрения на американскую демократию не вызвала никаких сомнений. Для него не существовало другой демократии, кроме демократии рабочих, негров, эксплуатируемых.

— Нам нужен мир, чтобы строить. Нам необходим мир для преодоления отсталости. Вьетнам, безусловно, единая страна. Проблема объединения ее должна решаться доброй волей самого народа. Камень преткновения в этом вопросе—американский империализм, присутствие американцев на нашей земле, их политика разжигания войны в Южном Вьетнаме, их тайный сговор против Демократической Республики Вьетнам, их пренебрежение Женевскими соглашениями. Только США желают завязать войну, они одни в ответе за кровопролитие. Не будь солдат США во Вьетнаме, войны бы не было... Соглашение между различными частями Вьетнама вполне возможно. Новая война может быть предотвращена. Но США продолжают снабжать оружием дьемовскую клику. Вот почему они ответственны за эту войну и за опасность возникновения новой мировой бойни. Мир может быть обеспечен только совместными усилиями международного социалистического лагеря, сила которого—в единстве.

Я поблагодарил за оказанное мне внимание в столь исключительный период, когда каждый предельно занят, и заверил его, что попытаюсь рассказать своему народу об истинных надеждах и чаяниях вьетнамцев. Залог покоя всех людей на земле, в том числе и в Америке,—в мирном решении вьетнамского вопроса. Чтобы победить, американцы должны «проиграть». Теперь уже очевидно, какой отчаянный характер приобретет борьба за вьетнамскую землю.

Свобода всех угнетенных народов мира зависит от судьбы вьетнамского народа. Пытаясь держать вьетнамский народ в оковах неволи, мы сами оказываемся в тех же оковах. Пытаясь «уничтожить коммунизм», мы тем самым уничтожаем Джеферсона и Линкольна. В погоне за мировым господством мы теряем наши души.

Мы пожали друг другу руки. Он просил передать наилучшие пожелания и благодарность всем прогрессивным силам, честным людям и борцам за мир в США. Их мужество потрясло его. Вьетнамский народ признателен им. Он был уверен, что демократическое движение в США будет противостоять американскому вмешательству в дела вьетнамского народа.

Возле машины стоит Ди. Глаза его горят, он пробует подыскать английские слова:

— Я чувствую себя всегда... выше... чище,— он пытается поднять свою покалеченную руку,— когда я вижу президента Хо.

Его рука не может подняться высоко.

...И вот я уже прощаюсь.

Встал рано, чемоданы запакованы. Воспоминания... Я возьму их с собой.

На улице темно. Но темнота какая-то мягкая, умиротворенная, семейная, как и должна быть в доме, когда все спят. Я прощаюсь с вьетнамскими друзьями, окружившими меня радушием и теплотой.

Мы едем. В последний раз я пересекаю Красную реку, в последний раз проезжаю мимо плантаций манго, бананов, зарослей диких ананасов. На горизонте медленно расплывается опрокинутая палитра красок. Ночью шел дождь, и земля дымит испарениями. Остались позади посаженные рядами пальмы, рисовые поля с острыми верхушками зеленых побегов, ленты оросительных каналов. Мелькают буйволы. Мальчишки-пастухи сидят верхом на них, упираясь боковыми ногами в их тощие бока. Буйволы стоят на земле цвета красной охры. Вода сделалась похожей на густую кровь.

Наконец показался аэропорт. Мы сидели, ждали и смотрели на самолет, одиноко стоявший в поле, покрытом капельками росы. Прибывали другие пассажиры. На прощанье Ди спросил:

— Все ли мы показали вам из того, что вы хотели увидеть?

— Я пропустил охоту на тигров,— сказал я.

— Тогда нужно вернуться,— улыбнулся он.

Он смотрел мне прямо в глаза. — Мы хотели, чтобы вы воочию увидели, как мы живем здесь.

— Да,— кивнул я.

— Приезжайте еще.

— С удовольствием. Если будет возможность, приеду.

Мы обнялись в последний раз. В тумане я сажусь на самолет, с волнением сжимаю цветы лотоса в руках. Я уже на пути к дому. Я думаю об одном. Что такое Америка? Символом добра или зла станет эта мощная страна? И не будет ли последним видением человечества бомба с клеймом: «Сделано в США»?

Перевела с английского
Р. Кобринская